

УДК 32.12:94(470+571) «1905/1907»

Епифанов А.С.

Московский государственный областной университет

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1905 ГОДА: ТРИУМФ И НЕУДАЧИ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Аннотация. В настоящей статье автор анализирует продвижение либеральной идеологии либеральными политическими организациями в политической жизни России начала XX в. В статье прослеживается роль либералов в революционных процессах 1905 г. Автор показывает, что вклад либерального движения в борьбе за те конституционные уступки, которые были сделаны монархией, сложно переоценить, поскольку представители российского либерализма не ограничивались западными концептами и ценностями, предпринимая попытки найти свой особый путь в условиях противостояния западничества и славяновильства.

Ключевые слова: идеология; конституционализм; либерализм; правовое государство; радикализм; революция; реформа; социал-демократия.

A. Epifanov

Moscow State Regional University

THE REVOLUTIONARY EVENTS OF 1905: THE TRIUMPH AND FAILURES OF RUSSIAN LIBERALISM

Abstract. In this article the author analyzes the formation of the liberal ideology and liberal political organizations in the political life of Russia in the early twentieth century. The article discusses the role of liberals in the revolutionary processes in 1905. The author shows that it is difficult to overestimate the contribution of the liberal movement in the struggle for the concessions that were made by the monarchy. It is stated that Russian liberals were not confined by the western concepts and values, they made attempts to find their own way in conditions of confrontation between Westernism and Slavophilism.

Key words: ideology; constitutionalism; liberalism; legal state; radicalism; revolution; reform; social democracy.

Рубеж XIX-XX вв. ознаменовался качественно новым этапом эволюции русского либерализма: на либеральные позиции переходили некоторые народники, «легальные марксисты», «экономисты», внося в его идеологию элементы демократизма, социального реформаторства, западноевропейского варианта марксизма. Одновремен-

но шло освобождение либеральной идеологии от устаревшего и изжившего себя в текущей внутрироссийской политике славянофильства. Интеллигенция постепенно выходила на передовые позиции в либеральном движении, выступая за ограничение самодержавия и создание правового государства, земское же дворянство уступало свои позиции. В результате

© Епифанов А.С., 2014.

либерализм как идейно-политическое объединение становился все более широким, но аморфным: его составляли несколько направлений и течений: славянофильское течение справа, земцы-конституционалисты – в центре и широкие слои интеллигенции – крыло «Освобождения» – слева.

Открытие журнала «Освобождение», организованного на средства земцев в 1902 г., стало первым шагом к конструированию идеологии либерального движения и встраиванию его организационной структуры в контекст российской политики. Тактическая позиция нового либерализма (оказавшаяся перспективной на первом этапе его существования и гибельной – на последней) была сформулирована в первом номере журнала: «Отличие нашего органа от других заграничных изданий («Искры», в первую очередь – авт.) заключается в том, что мы предполагаем объединить те группы русского общества, которые не имеют возможности найти исход своему возмущенному чувству ни в классовой, ни в революционной борьбе. Мы желаем выражать исключительно бессловное общественное мнение и на него опираться» [6, с. 495]. Костяк широкой конституционной партии, по замыслу П.Б. Струве и П.Н. Милюкова, должен был сложиться из интеллигентов – представителей либерального и революционно-демократического движений, но более четкое определение идеологической программы либералов, опубликованное в программной статье «К очередным вопросам» в начале 1903 г., создало основу для прорыва в партийном строительстве: летом и осенью 1903 г. были созданы две либеральные организации: «Союз освобож-

дения» и «Союз земцев-конституционалистов». Размежевание усилилось в ходе революции 1905-1907 гг., а издание манифеста 17 октября 1905 г. завершило процесс поляризации в лагере либералов и на самом подъеме революционного движения были созданы две партии – кадеты (Конституционные демократы) и октябристы (Союз 17 октября).

Идеологические поиски российских либералов не могли ограничиться западными концептами и ценностями. Отцы российского либерализма вынуждены были искать собственный идейный выход из тупикового перекрестка западничества и славянофильства, поэтому сконструировали собственную теоретическую модель общественного развития России, в основе которой лежали идеи о «внеклассовой» сущности русского государства и «внесловной природе русской интеллигенции». Лишь русская революция 1905-1907 гг. вынудила сторонников либерализма отказаться от «безответственных», по словам П.Б. Струве, и «утопических» идей о бессловном надклассовом равенстве. В знаменитом сборнике «Вехи» П.Б. Струве высказал мысль о неспособности русской интеллигенции к пониманию самого существа экономического развития общества и недооценке ее значения и смысла русского капитализма как основы экономического возрождения, социального прогресса и культурного роста. Новая роль интеллигенции в русской истории состояла, по мысли П. Струве, в содействии развитию капитализма, в чем заключается «национальный идеал и национальное служение» [10, с. 462-463]. Следует признать, что и в начале

XXI в. нужда России в «талантливых, просвещенных предпринимателях» так и не была донесена либералами до сознания российского населения.

Несмотря на то, что руководство кадетской партии было настроено не особенно оптимистично по отношению к идеологической зрелости российской буржуазии, программные документы партии и после революции 1905-1907 гг. относительно ясно отражали курс на последовательное конституционно-буржуазное развитие страны. Требование ограничения самодержавной власти сопровождалось идеями о постепенном реформировании конституционного устройства России. Вместе с тем либералы твердо стояли на позициях монархизма и требовали сохранения «единой и неделимой России», то есть унитарного государственного устройства без признания политических прав народов. Следует, однако, отметить, что в их программных документах отчетливо проводится мысль о необходимости расширения культурных прав наций и народностей. В частности, либералы предлагали расширить права подданных на использование родного языка: предоставить носителям языка говорить на нем не только в школе и культурных учреждениях, но и в высших учебных заведениях и судах.

Наиболее прогрессивная часть программы кадетов состояла в требовании введения всеобщего избирательного права и государственного признания и защиты всех демократических прав и свобод личности: свободы слова, собраний, союзов, печати и т. д. В определенном смысле, кадеты были интеллигентами-романтиками самого смутного в истории России времени:

они видели и отстаивали перед политическими соперниками-радикалами, зовущими народ к топору, и перед самодержавием с его тысячелетней историей прогрессивную модель правового демократического государства. Как отмечает Р. Пайпс, на всем протяжении существования «конституционные демократы (кадеты) хранили верность традиционным либеральным ценностям: демократические выборы, парламентское управление, свобода и равенство всех граждан, уважение к закону» [5, с. 25]. Их идеалом была (и до сих пор могла бы оставаться, хотя это недопустимое в историческом анализе сослагательное наклонение) конституционная монархия британского образца.

Партия кадетов – это, в определенном смысле, недопетая и до сих пор не спетая песня российского либерализма. Ее социальную основу составлял цвет российской интеллигенции, ее лидер – П.Н. Милюков, имевший репутацию «крайне левого революционера», преследуемого властями, и славу профессора истории, был очень популярен в кругах российской и западноевропейской общественности. Верхушку партии составлял цвет российской интеллигенции. Однако сам либерализм с его верностью праву и свободе в итоге оказался менее востребованным, чем социальная и политическая революция. Либеральный «загад» оказался небогат на политические плоды. Имея выбор между «спецами с загадом» и «спецами с размахом» (В.И. Ленин в письме к Г.М. Кржижановскому) история склонилась в сторону «спецов с размахом».

Либералы самым активным образом участвовали в политических

процессах начала века: как в революционных событиях, так и в думских поисках конституционного «тоннеля» развития страны при консервации основных параметров монархии. Однако в контексте происходивших политических событий представления о путях реализации программных установок у них все время менялись, причем до 1917 г. – в сторону радикализации. Несмотря на идущее красной нитью через всю идеологию либерализма предпочтение реформистского пути развития, многие обстоятельства привели к формированию более жесткой политической линии, даже ожесточению либералов. Так, идеологически и морально сторонясь насилия и терроризма, либералы не то чтобы находили оправдание политическим убийствам, но отмечали, что самодержавие вынуждает к насилию. По поводу убийства «личного врага всех революционеров» Плеве идеолог либерализма П. Струве, в частности, писал: «Трупы Боголепова, Сипягина, Богдановича, Бобрикова, Андреева и ф.-Плеве не мелодраматические капризы и не романтические случайности русской истории; этими трупами обозначается логическое развитие отжившего самодержавия. Русское самодержавие в лице двух последних императоров и их министров упорно отрезывало и отрезывает стране все пути к легальному и постепенному политическому развитию. <...> Страшно для правительства не физическое устранение Сипягиных и ф.-Плеве, а та создаваемая этими носителями власти общественная атмосфера негодования и возмущения, которая рождает из рядов русского общества одного мстителя за другим» [7, с. 41].

Сторонясь террора на идейном уровне, отвергая эсеровскую позицию относительно методов борьбы с режимом, либералы тем не менее тактически успешно пользовались его плодами в поисках компромисса с самодержавием. Такой подход к тактике достижения политических целей давал основания П. Милюкову называть программу кадетов «наиболее левой из всех, какие предъявляются аналогичными нам политическими группами Западной Европы» [2, с. 197-198], а И. Петрункевичу – видеть различия между либералами и радикалами «не в политических целях, а в темпераменте» [14, с. 82-83]. Поражения первых месяцев русской революции не заставили либералов отказаться на время от идей реформирования монархии сверху: самодержавие подвергалось жестокой критике, а в стане кадетской партии стали допустимы даже разговоры о цареубийстве. Так, член кадетской партии А.В. Тыркова уже в 1905 г. писала: «Убить его, убрать, чтобы не душил Россию своими окровавленными цепями» [7, с. 78]. В ходе самой революции представители кадетов локально объединяли организационные усилия с усилиями эсеров и социал-демократов, поддерживая создание и деятельность профессионально-политических союзов интеллигенции и служащих, боевых рабочих дружин.

Идеологические предпосылки к первой русской революции были созданы именно либералами. В ноябре 1904 г. был проведен Земский съезд, организованный «Союзом освобождения», земцами-либералами в союзе с эсерами и представителями других оппозиционных организаций. В широком смысле, в России впервые прошло

законное собрание, на повестке дня которого стояли политические реформы в стране, и решившее добиваться учреждения парламента, принятия конституции, хотя в документах Съезда эти термины и не употреблялись.

Решения Земского съезда широко популяризировались его участниками через частные собрания, торжественные обеды и т. д. и в результате получили признание в кругах интеллигенции, аристократии, студенчества. Под давлением участников Съезда, 12 декабря 1904 г. правительство обнародовало Указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» [8, с. 6-8]. В нем предусматривались шаги по облегчению положения крестьян, расширению гражданских прав населения, однако речь шла об изменениях на административно-управленческом, а не на политическом уровне. Таким образом, с одной стороны, царь и правительство пошли на серьезные уступки Съезду, с другой, фактически проигнорировали его политические требования, что привело не к разрешению, а ужесточению политического кризиса. Земский съезд и последующая волна общественной поддержки его требований создали атмосферу нарастания политического коллапса.

Во многом именно Земский съезд вдохновил Георгия Гапона на подачу прошения царю от имени всех рабочих [9, с. 24]. Сама петиция Гапона обобщала и развивала части программы «Союза освобождения», решения Земского съезда: в частности, она содержала требование созыва Учредительного собрания. Прощение было написано псевдонародным языком и содержало в себе, в несколько упрощенном виде, помимо народнических и социал-де-

мократических требований, значительную часть программных требований либералов [1]. В этой связи, сложно не согласиться, что «хотя либералы были умеренней социалистов, правительству они доставляли больше хлопот» [5, с. 32]:

Таким образом, закономерно, что после трагедии 9 января 1905 г. либералы официально перестали исключать возможность насильственной альтернативы поступательным реформам «сверху»¹. Допуская массовую революцию (когда она уже развязывалась), кадеты предостерегали от массового насилия (тем более, массового террора, разразившегося в России после Октябрьского переворота 1917-го года), однако насилие в ходе революции носило все более массовый характер. Соответственно, кадетская теория революции оставалась идеалистической, даже несмотря на то, что она оформлялась в ходе революционных событий. Когда по всей стране

¹ Нельзя не признать также, что, помимо политических обстоятельств, на радикализацию кадетов повлияло (что верно и для 1890-х гг.) тяжелое социокультурное наследие тысячелетнего российского средневековья: неограниченная монархическая власть при полном бесправии большинства населения, крепостничество, община никак не благоприятствовали популяризации идей французских и английских просветителей, переосмысленных российской интеллигенцией. Почва подданнической в своей основе российской политической культуры до сих пор препятствует укоренению более или менее значимых ростков либерализма, который, как правило, уступает позиции более простым и, как правило, более радикальным идеологическим программам. Поэтому, «действуя в стране, где подавляющее большинство населения не имело ни малейшего представления об этих заморских благах и где социалисты постоянно подстрекали к революции, они (кадеты – авт.) сочли необходимым занять более радикальную позицию» [5, с. 41].

стачки и восстания уже подавлялись насильственными методами, П. Струве писал о «возможности овладеть революцией в самом ее начале и, признав в существе эту революцию законной, вдвинуть ее в русло закономерной социальной реформы, осуществляемой в связи с полным политическим преобразованием страны теми средствами, которые дает демократическая конституция» [6, с. 495].

Желание овладеть революционной ситуацией и «призрак» социал-демократической революции по наиболее радикальному сценарию заставили либералов скорректировать свою политическую тактику: продолжив искать компромисс с монархией, более тесно сотрудничать с революционными партиями. Следует признать, что либералы приняли двойной вызов и на волне революционного насилия, которое ими в стратегическом смысле осуждалась, но в тактическом – могло успешно использоваться, они приняли самое активное и эффективное участие в том, чтобы «заполучить» у монархии парламент. Таким образом, «оседлать» революцию либералы не смогли, однако они ее во многом спровоцировали, а их идеологические и интеллектуальные ресурсы были мощнейшим вкладом в политическое оформление ее итогов.

Первой значимой политико-правовой реакцией монархии на события января 1905 г. было подписание царем 18 января трех документов. Наиболее политически весомым из них было указание Булыгину на необходимость «привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении

законодательных предложений» [8, с. 14]. Это указание-разрешение царя вызвало реакцию, противоположную ожидаемой в правительстве: «Вместо того чтобы обуздать волнения, монарший указ оказался катализатором, мобилизовавшим массы населения, ранее не решавшиеся выражать свои мнения по политическим вопросам. Захваченная либералами и либеральными требованиями кампания петиций привела к возрождению, в более резкой форме, либерального наступления осени и зимы 1904/5 годов» [14, с. 114].

Либеральные силы воспользовались предоставленным монархией политическим шансом в полной мере: требования принятия конституции стали звучать не только на торжественных обедах и частных собраниях, но и публично. Второй Земский съезд (апрель 1905 г.) решительно настаивал на проведении Учредительного собрания. Решение съезда удалось донести до сознания мещан и крестьян через земские и уездные управы, и вскоре столицу захлестнул поток крестьянских петиций со всей страны [13, с. 57]. Они почти не содержали требований собственно политического содержания, поскольку первым и основным вопросом, волнующим крестьянство, всегда оставался вопрос о земле, однако этот факт показывает, что именно либералам принадлежит инициатива политизации крестьянства [13, с. 58]. На волне этих событий возникла третья российская либеральная организация – «Союз союзов» – наиболее радикальная и наиболее эффективная из всех когда-либо созданных. Одним из направлений ее деятельности было формирование профессиональных интеллигентских союзов (адвокатов,

медиков, профессуры, чиновников), которые могли использовать профессиональный авторитет для пропаганды политической программы либералов. Именно «Союз союзов» учредил и координировал самую крупную общественную организацию в стране – Всероссийский союз железнодорожных служащих и рабочих: она обладала значимым политическим весом, однако стояла на умеренной либеральной идейной платформе.

В первые месяцы революции избранный тактика позволяла либералам оставаться на самом пике революционного движения, фактически влиять на его интенсивность и направление, будучи при этом на официальной платформе ненасилия и реформ «сверху», революционные же партии в меньшей степени могли похвастаться тем, что управляли политической ситуацией. Опубликованные в августе положения «Булыгинской конституции» [8, с. 21-23] свидетельствовали: царское правительство отступило перед революционным натиском, артикулированным в требованиях либералов: «Самодержец и его правительство, заявлявшие себя лучшими и единственными судьями народных интересов, теперь хотя бы выразили желание советоваться с народом на постоянной и всеобъемлющей основе» [6, с. 331]. Это было отступление значительное, однако не удовлетворившее наступавших. Поэтому выбор между принятием Булыгинского варианта документа и продолжением борьбы, обозначившийся для всех оппозиционных сил и для либералов, в частности, был сделан в пользу революции, хотя на состоявшемся в июле съезде либералов этот выбор был аккуратно обозначен

как призыв к обществу помочь в продолжении «мирного развития» [13, с. 91-92].

В связи с этим, относительно затишье конца лета – начала осени было лишь предвестием дальнейшей эскалации революционной ситуации. Идея о проведении всероссийской стачки, остро поставленная на политическую повестку дня «Союзом союзов» после Цусимского поражения, продолжала латентно развиваться. Комитет подготовки стачки не успел создать достаточной организационной платформы до осени – момента активизации радикалов и переноса центра революционной агитации в университеты, ставшие «одним из пунктов концентрации и организации народных масс» [11, с. 114]. С одной стороны, университетская элита и передовое студенчество, по замыслу либералов, и по сложившемуся в России распределению сторонников определенных политических сил, должны были оставаться приверженцами ненасильственных мер построения конституционной демократии. С другой стороны, именно университеты стали плацдармом агитации левых радикалов, а вскоре и центром радикализации всего революционного движения.

Сентябрьская волна забастовок переросла во всеобщую стачку, политизированную благодаря усилиям «Союза союзов» и студентов-радикалов. Всероссийская стачка, возможность которой рассматривалась еще летом, создала повод и политические основания для артикуляции полновесной либеральной программы, базис которой составляло требование созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, тайного и равно-

го избирательного права. «Союзу союзов» удавалось сделать невозможное в политической ситуации, которая разворачивалась во многом стихийно: оказаться в нужном месте и в нужное время, организовать и скоординировать действия стачечных комитетов и вооружить своими программными требованиями бастовавших рабочих и служащих. Именно в начале осени 1905 г. либералы почти использовали утопическую, казалось бы, возможность «овладеть революцией».

Пока «Союз союзов» был на пике революционных событий и владел политической инициативой, официальным глашатаем либеральной программы, сформулированной П. Струве во многих статьях и документах, стал Витте, обратившийся к царю и его супруге с устным заявлением и запиской, в которых, по сути, рекомендовал царю пойти на широкие политические уступки, изложенные в программе либералов. Он писал об отсутствии какой-либо разумной альтернативы реформам сверху, поставив царя перед лицом неумолимой истории, в ходе которой «идея гражданской свободы восторжествует если не путем реформы, то путем революции». Витте предупреждал, что «в последнем случае она возродится из пепла ниспровергнутого тысячелетнего прошлого. Русский бунт, бессмысленный и беспощадный, все сметет, все повергнет в прах». Он также выражал опасение в связи с невозможностью предсказать ближайшее будущее: «Какою выйдет Россия из беспримерного испытания, – ум отказывается себе представить; ужасы русского бунта могут превзойти все то, что было в истории. Возможное чудожестранное вмешательство разорвет

страну на части. Попытки осуществить идеалы теоретического социализма, – они будут неудачны, но они будут несомненно, – разрушат семью, выражение религиозного культа, собственность, все основы права» [3, с. 55]. По сути, записка Витте – это пророчество, сбывшееся, как и многие пророчества начала XX в., очень скоро, с размахом и даже «запасом».

Как известно, царь внял предостережениям и министра, и самой истории, поскольку ежедневно и неотвратимо в начале октября ему приходили донесения о разворачивании революционных событий в направлении эскалации насилия и радикализации требований бастующих. В основу Манифеста были положены резолюции Земского съезда, проходившего в сентябре¹: «На обязанность Правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной Нашей воли: 1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. 2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку, и 3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу

¹ Единственным требованием сентябрьского съезда земства, которое не вошло в Октябрьский манифест, было участие Думы в обсуждении государственного бюджета.

без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей» [8, с. 24-25].

Издание Манифеста было запоздалой и недостаточной мерой, чтобы усмирить Россию, тем более, следующим этапом революции стали выступления крестьян, не принимавших политических компромиссов и либеральных полумер. Революция и ее плоды теперь принадлежала социалистам-радикалам, которые требовали исключительно политического и социального передела.

На революционном подъеме, как отмечалось, было создано две либеральные партии. Но в дальнейшем, в течение всего периода существования, партии объединяла не только общая либеральная платформа, общие взгляды на пути общественного и политического прогресса России, но и организационная неустойчивость: любое изменение политической ситуации в стране вызывало организационный кризис в партиях. Уже вскоре после поражения революции 1905-1907 гг. началось сокращение численности членов партий и партийных ячеек на местах. Причем если кадетом удалось сохранить партийную организацию, то «Союз 17 октября» в 1913 г. распался на три крыла.

Вместе с тем 1905 г. стал самым ярким триумфом и самой страшной трагедией российского либерализма. Либералы, по сути, доказавшие плодотворность своей стратегии и сумевшие донести свои идеи и до крестьян, и до царя, координировавшие

крупнейшие революционные протесты и определявшие содержание революционных требований, оказались победителями. Их идеи лежали в определенной части требований, артикулированной в петиции Гапона и Манифеста царя, они вручили всему российскому народу парламентаризм и конституцию. В том числе, благодаря либералам, монархия пошла на те уступки, которые были ею сделаны. Однако Октябрьский манифест, «вырванный» у царизма помимо его воли, не стал основой для построения парламентского правового государства, тем самым как бы указывая на несостоятельность либералов и, на политическом уровне, поливая воду на мельничные жернова социалистов. «В условиях российской действительности, где социальные антагонизмы достигли своей критической точки и за сравнительно короткие исторические сроки (всего 12 лет) трижды перерастали в мощные народные революции, где политическая линия на консенсус воспринималась и справа (со стороны правительственного), и слева (революционно-демократического лагеря) как предательство, где единственно эффективным средством признавалось насильственное решение объективно назревших задач, либеральная альтернатива, рассчитанная на мирные, конституционные формы борьбы, оказалась нереализованной» [4, с. 296]. Жернова следующих революций «перемололи» и монархическую государственность, и слабые зачатки либерального правового государства, да и судьбы многих из тех, кто в триумфальном и роковом 1905-ом году еще мог изменить судьбу России.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Грибовский В.М. Загадочные документы Гапона // Исторический вестник. – СПб., 1912. – № 3. – С. 949-961.
2. Гуревич Л.Я. Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г. // Былое. – 1906. – № 1. – С. 195-223; 197-198.
3. Доклады С.Ю. Витте Николаю II / Сообщ. В.М. Максаков // Красный архив. – 1925. – № 11/12. – С. 55-56.
4. Наше Отечество. Ч.1 / Кулешов С.В., Волобуев О.В., Пивовар Е.И. и др. – М.: Терра, 1991. – 390с.
5. Пайпс Р. Русская революция. Книга 1. Агония старого режима. 1905-1917. – М.: Захаров, 2005. – 480 с.
6. Пайпс Р. Струве. Биография. Т. 1.: Струве: левый либерал, 1870–1905. – М.: Московская школа политических исследований, 2001. – 552 с.
7. Руткевич Н. А. Русский либерализм в эмиграции: социально-философский анализ творчества П.Б. Струве и П.Н. Милюкова. – М.: Радио и связь, 2002. – 415 с.
8. Савич Г.Г. Новый государственный строй России / Г.Г. Савич. – СПб.: Тип. акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1907. – 1204 с.
9. Старцев Г.Е. Воспоминания о Гапоне // Страна. – СПб., 1907. – № 7 (9 января). – С. 20-32.
10. Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. – 608 с.
11. Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 3. Кн. 5-6-7. – М.: Республика, 1992.
12. Филиппов А. Странички минувшего. О Гапоне. – СПб.: Типография тов-ва «Наш век», 1913. – 36 с.
13. Черменский Е. Буржуазия и царизм в революции 1905-1907 гг. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1939. – 374 с.
14. Ascher A. The Revolution of 1905: A Short History. – Stanford.: Stanford University Press, 2004. – 288 p.